

Тони Дювер

**ПОРТРЕТ
ЧЕЛОВЕКА-НОЖА**

Перевод Валерия Нугатова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

Tony Duvert
Portrait D'Homme Couteau

Редактор: Дмитрий Волчек
Верстка и обложка: Дарья Протченкова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Copyright © Les Éditions de Minuit, 1978
© Kolonna Publications, 2012
Перевод © Валерий Нугатов, 2012

ISBN 978-5-98144-156-1

В траве лежит тело мальчишки. Нижняя часть живота кажется изуродованной, но кровь, заливающая пенис и яички, вытекает только из длинной зияющей раны рядом с пупком.

Ночь. Идет дождь.

Одна из лужаек перед домом: ее затемяют деревья, в маленьком бетонном бассейне – холодная вода; высокая трава цветет.

За домом – не сад и даже не парк, а широкий простор загородного участка, разграфленного прямыми аллеями. Они очерчивают клумбы, заросли, рощицы, луга и лужайки. Каждая из этих зон тоже разлинована неодинаковыми, петляющими аллеями поменьше, по которым можно добраться до самых низких мест – тайников, хрупких глубин, сокровенных вольер, что так нравятся детям: сюда изредка забредают окрестные ребяташки.

Из центральной аллеи, тянущейся до самой реки, которая служит границей вла-

дения со стороны полей, можно охватить взором чередующиеся массы, рельефы, углубления, растительный орнамент. Все в запустении: неокультуренная, дисгармоничная, беспорядочная, неприглядная перспектива. Сад уныл и непривлекателен.

6 Цветы еще не опали, но их лепестки сморщились, краски поблекли, а стебли истончились и задеревенели. Ветерок не колыхает и грациозно не сгибает их. Это место им идеально подходит, и они остаются цветами, пусть и увядшими.

На первом этаже дома – большой зал из розового камня. Слева при входе – обшитая панелью маленькая гостиная, ведущая в большую комнату, тоже с панелями. Справа – наверху и чуть дальше... забыл, что там.

Из четырех окон на каждом этаже видны луга и верхушки деревьев, а вдалеке – прохладный водный поток.

Только тени на ладонях, бесцветное воспоминание.

По вечерам я часто хожу на реку: в такую жару приятно купаться, потом крепче сон. Часть берега забетонирована, и я сижу в воде, но не плаваю: это причал, шлюз, место для стирки белья или все вместе – бетон-

ный спуск, куда в другое время дети приходят играть корабликами из древесной коры, ну и купаться. У них нет на это права, участок, огражденный решеткой и рядом деревьев, принадлежит мне, но в остальных местах вода грязная, поэтому дети приходят сюда.

Я долго остаюсь в воде и дремлю, а река струится по моему телу, касаясь туловища, коленей и яичек. Она ласкает шрам на животе, рядом с пупком, мой член покачивается, а волоски встают дыбом, точно шевелюра утопленника.

Зима не кончается. Тучи нависают, высасывают свет, увлажняют легкие: идет снег.

Снег не перестает падать ни на минуту, и вот наконец недвусмысленно застывает между небом и землей: куда ни кинешь взгляд, все вокруг стало серым и ватным. Грязная сырость, густая и почти такая же плотная, как тело, затерянное внутри нее и плохо очерченное, словно сама плоть сыплет серым снегом.

Каждое утро я должен спускаться в сад, пересекать посыпанную гравием эспланаду, лужайки, бамбуковую чащу, идти вдоль стены, добираться до железной калитки, выходить, снова подниматься по проулку до выгонов, переходить мост через реку, огибать луга, искать на опушке сухие ветки потолще, проделывать тот же путь в обратном направлении, приносить свою ношу домой, распиливать толстые ветки на поленья, ломать тонкие на хворост, складывать часть топлива в дровяном сарае и вносить немного к себе в комнату. Я закрываю дверь, разжигаю огонь, усаживаюсь на плетеный стул у окна, смотрю на птиц, парящих на ветру, и порой слышу

вдалеке детское пение, которое доносится с улицы или из моего сада, ведь они туда приходят даже зимой. Мне больше нечем заняться: сплю я много, но беспокоюсь и тревожно – наверное, из-за плохого питания: хлеб, кофе, овощи, да изредка яйца, за которыми я хожу на фермы. Я не хочу, чтобы их приносили, крестьяне пришлют ко мне своих сыновей.

9

У моего ножа такое затупленное лезвие, что не рискнешь им пырнуть, разрезать или поранить кого бы то ни было. Предмет столь же нежный, как и всякая плоть, куда он способен проникнуть.

Постелью мне служил сваявшийся от долгого употребления матрас, который лежал на деревянном каркасе, заменявшем сетку: никаких простыней, а не то пришлось бы их стирать, да парочка одеял – наподобие тех, что предназначаются для солдат и лошадей.

Над кроватью висел большой ковер, когда-то красивый. У другой стены, над моей головой, этажерка из двух сосновых досок: на нижней полке стояли два десятка старых сброшюрованных томов, а верхнюю украшали случайно подобранные предметы, довольно уродливые и бесполезные.

Был еще столик с выгнутыми ножками, прежде служивший тумбочкой: там когда-то стоял бронзовый бюст Наполеона. Теперь же бюст валяется на полу, у камина: в профиль видны верхняя часть шляпы, нос, отворот сюртука и голова орла, разворачивающего крылья веером, откуда и выступает торс тирана. Черная птица приоткрывает клюв.

10

У настоящих орлов рыжеватое оперение, они кровожадны, их приручают и учат убивать.

На том столике стояли фарфоровая миска, подсвечник и лежала прядь волос, обвязанная синей лентой с золотыми нитями.

По уличной канаве вдоль дома вода течет на северо-запад.

Из подвального окна можно следить, как дождевая влага струится справа налево, слышать ее шум и в темноте даже замечать в этом сером, точно камень, ручье – вспышки, изогнутые отблески, грозовые клубки, которые исходящий из-за дома желтый свет отбрасывает на жидкий витой узор, переполняющий канаву. Если протянуть руку между прутьями решетки, можно дотронуться до воды. Это напоминает окошко тюремного подвала, в которое видны лишь облака или деревья, да изредка – ноги прохожих. Еще можно было бы подняться на последний этаж и, наклонившись, увидеть узкие лодки с веслами по бокам – человеческие тела.

Здесь все комнаты, от подвала до чердака, могут служить пунктами наблюдения за улицей или садом. Похоже на крепость с часовым.

Человек неопределенного возраста, в серой блузе и синих саржевых брюках с расползающимися внизу штанинами, ведет двойную шеренгу детей от восьми до двенадцати лет по улице, вдоль дома с то ли тюремным, то ли больничным, то ли пансионным фасадом.

12

Мальчишки посматривают на окна с черными решетками и опускают взгляд к подвальному окошку, за которым мерцает тусклый, желтый, почти оранжевый свет грязной лампочки.

Группа детей идет в ту же сторону, куда течет дождевая вода. Некоторые касаются стены тыльной стороной ладоней, другие спотыкаются на плохо пригнанных булыжниках. Улица выгибается: над шеренгой детей, шагающих вдоль дома, возвышается другая, параллельная, и она движется чуть ли не посредине мостовой.

Учитель в больших черных ботинках и в куртке, наброшенной поверх блузы. Он прикрывает стоячим воротником затылок от очень мелкой мороси, на которую мальчишки не обращают внимания: приходится даже следить, чтобы идущие с краю не соскользнули в канаву.

Они удаляются, дождь утихает, и в тучах временами приоткрываются почти белые просветы.

Ребенок лежит ничком. Голые ягодицы, голая спина, голые ноги. Его рост от голо-

вы до пят – метр тридцать-сорок. Совершенно расслабленное лицо немного зарылось в траву, веки смежены, рот приоткрыт, волосы – в милон беспорядке.

Через пару часов после восхода солнца: голубое небо и яркие цвета. Свежий, словно рассвет, грациозно дремлющий труп.

13

Моя кровать стоит напротив стены, обитой синим шелком, где пчелы смешались с королевскими лилиями. Насекомые дрожат на ветру и машут крыльями со скоростью двигателя. Цветы на гибких стеблях указывают направление ветра, а в траве блестит прядка белокурых, золотистых волос, очень тонких на ощупь. Я подбираю ее: снизу она испачкана землей. Я выпрямляюсь, и ветер заслоняет мне взор прядью моих собственных волос.

Мне нравится эта обивка, хоть я и задыхаюсь от тесноты: летом здесь душно, а зимой кажется, будто меня похоронили заживо. В камине пылает зловещий огонь – погребальная жаровня.

Нож на красном плиточном полу, и больше ничего. Восьмиугольные, большие, лакированные плиты из материала цвета застывшей крови. Вокруг камина, где я разжигаю огонь, они теплые.

Но это приглушенный красный, тогда как стол у окна – пылающего цвета, пусть и усеянный белой пылью, похожей на чешуйки того мотылька, что летит на пламя, привлеченный огнем, где гаснут цветы: в этой-то рдяной воде с кусающимися цветами мотылек и тонет.

14

Пустота. Развернуть на столе лист бумаги, уголки которого загнулись, пока он лежал у меня в кармане. Графитный карандаш оставляет легкий серый след. Вверху листа я провожу две параллельные линии, означающие воду, пишу слово «река», потом зачеркиваю и пишу «рвы». Вдоль рвов – липовая аллея: деревьев около сорока, они могучие, благоухающие, их серая и влажная кора, изрытая мелкими черными ранками, покрыта с северной стороны зеленой пылью. Я пишу «липовая аллея». До дома еще очень далеко.

Я остаюсь на берегу реки или рвов: за ними – луга, уже за пределами листа. Я ставлю ржавую решетку, чей рисунок напоминает пчелиные соты: ее оплетает бело-розовый вьюнок, над которым склоняется лицо.

Белое лицо приближается, словно мотылек, и огибает цветы. В заборе есть калитка, тоже с сеткой, натянутой на металлическую рамку. Чья-то ладонь быстро опускается на ручку, но та не поворачивается: заклинило из-за ржавчины. Чтобы добраться до моей реки, мальчишки обычно перелезают через эту калитку, хотя они вполне могли бы проде-

лать отверстие в старой решетке или привести в исправность ручку – достаточно поскреести ее перочинным ножом и слегка смазать.

Я прохожу через весь сад, которого еще не нарисовал. Внизу листа – дом.

Теперь я вижу его: жирный кончик моего карандаша, с силой надавливая на бумагу, проводит толстые блестящие линии. Это общий план этажа: пропорции не совсем точны, количество комнат до конца не определено, входы, выходы, окна, начала лестниц, ведущих наверх или вниз, почти неразличимы, но это не важно. Все располагается вокруг меня удобным, утешительным образом, я нахожусь здесь, каждому месту отвечает свой жест, все совершается и легко следует друг за другом, так что я не колеблюсь.

Итак, даны улица, дом, луга, вода – и кое-что незримое.

Скоро стемнеет. Я зажигаю плоскую плиту, покрытую белым лаком. Два огонька. Кастрюля стоит на меньшем. Над нею завивается воздух.

У окна – стол из рыжего, почти не пахнущего дерева, с выдвинутым ящиком. Рядом с ковром висит пыльный охотничий трофей, засиженный мухами, а в оконное стекло глухо и однообразно бьются шмели. Голые стены изрыты глубокими трещинами, где укрываются пауки и натянута мягкая, ватная, комковатая паутина. Под поленья, аккуратно разложенные в глубине камина, забились плоские черные насекомые.

Перед рвами – стволы, растущие так близко, что между ними едва протиснется один человек, а дальше – бамбуковые заросли, лианы, древовидные папоротники и крошечный мох нежно-зеленого цвета с синеватым отливом и рыжими пятнами.

Под моими ногами бегают насекомые
я шагаю вдоль деревьев, задевая плечами стволы – кусты, молодые ясени, буксы, дикие вишни.

Едва возвратившись домой, замечаю в окно бегущего по улице мальчугана.

Решетка, просевшая внутрь, обозначает дальнюю границу сада или парка; на противоположной стороне – дом. Две другие стороны обнесены настоящими стенами: вдоль одной, с тяжелой железной калиткой, похожей на тюремную дверь, проходит улочка. Один ее конец ведет в поля, где она переходит в дорогу, а другой – к улице, с которой она сливается.

17

Рядом – деревня. Или ни единого дома. Леса, люцерновые поля.

Начинается город с закруглениями железнодорожных путей, рекой, аэропортом и старыми жилыми домами на холме, где стоит больница.

Высокие окна выходили на улицу, кованые железные прутья защищали их от взлома. Меня они тоже ограждали, и я всегда находилась там, за ними, выглядывая наружу, но не решаясь выйти из-за страха: никто никогда не проходил мимо.

Спуститься, повернуть круглую дверную ручку, хлопнуть дверью.

Заметить его на улице.

Прислониться к стене и смотреть. Смотреть, вернуться домой, запереть засов. Сердито хлопнуть дверью и наконец выйти – разбивающееся стекло.

18 И солнечный свет на осколках с другой стороны – будь то бетонный порог или розовый песчаник большого зала. Закрывать или открывать дверь, смотря по тому, с какой стороны блестят осколки, – солнечный свет, – если дверное стекло разбилось, если я это сделал, как открывают глаза, как их таращат, несмотря на страх – благодаря ему.

Перед домом прошла группа детей. Мальчики, девочки – счастливая и развинченная толпа. Они устремились по улочке вдоль одной из моих стен и поспешили к лугам, изборозженным мшистыми ручьями, где полно маленьких зеленых лягушек, которых они будут ловить руками – точнее, охотиться и играть с ними. Прекрасный день каникул, столь светлый и теплый, никогда не принесет счастья, если кого-нибудь не помучить. Им это по плечу, ведь память у них короткая.

Толпа детей направляется по улице, и на мою стену ложатся их тени. Возбужденные, живые тела с пульсирующей кровью – и этот радостный солнечный свет, заливающий им щеки.

Никто не проходил по улице, никто не бегал в полях: я сидел в своей комнате и разводил огонь – выходящие на улицу окна были

заколочены, а на стекло входной двери наклеен большой лист желтой бумаги.

Я выхожу, следую вдоль решетки, сворачиваю в проулок, шагаю через поля, направляюсь ко рву, останавливаюсь у ржавой калитки, пересекаю клумбы, огибаю бамбуковые заросли, добираюсь до принадлежащего мне дома и выхожу из него, дабы проследовать вдоль решетки, прошагать через поля, добраться до

19

В школьной столовой сидят дети в одинаковых синих фартуках, одинаково остриженные наголо. Утро: дневной свет такой же темный, как и деревянные столы с рядами мисок из тяжелого белого фаянса. Просторная, холодная и суровая комната, похожая на подвал большого дома, едва освещенный маленькими окошками.

Большие вытертые скамьи вдоль столов.

Я боюсь долго подсматривать: меня тотчас изобличили бы крики, возгласы, повернутые головы – кто-то шпионит у окна.

Дождь – однообразный, травянистый.
открытое море туман
снаружи все напоминает стройпло-
щадку.

Ночь такая душная, что дождя даже не чувствуется, но приходится огибать лужи в аллее и камни, вымытые дождем из земли: теперь, когда они выступили, немудрено и споткнуться.

Я ищу другую стену, где качаются длинные стебли бузины. Там очень живые, алеющие, непостижимые отблески.

Под ветвями я заметил силуэт: кто-то спрятался от дождя. Но здесь больше никого нет. Возможно, просто ощущение присутствия, как от только что угасшего света, вынуждает меня оставаться, несмотря на дождь и темноту.

Вжимая голову в плечи, я жду в паре шагов от чаши.

Маленький силуэт не шевелится: я чувствую, что он наделен тонкой жизнью и не боится. Это я сам не отваживаюсь приблизиться.

Днем иногда обрушиваются ливни, когда погода резко меняется – теплое солнце светит еще ярче, но дело тут не в лучах, а в состоянии неба. Так всегда бывает весной. Под навесом у порога остается сухой прямоугольник – если не считать следов моих (или его) подошв.

21

Сразу видно, что днем прошел ливень.

Нужно довести рисунок до ума: план сам по себе неплох, но слишком многого не хватает.

Например, парк: в глубине ров с местом для стирки белья, или забетонированным участком – там быстрая вода даже летом (этой ночью бесшумно пробивается согнутая, склонившаяся трава, водяные насекомые взбираются по ней и удерживаются, наперекор течению).

Открытое окно: света нет – лишь красные отблески пламени.

Лак на двери потрескался. Белая древесина с первым слоем синей краски, смытой скипидаром: в вертикальных прожилках остались грязно-синие линии.

Все это не обозначено. Я забыл о рвах или реке. Ряд крашенных либо лакированных плиток – кроваво-красных. Остальные плит-

ки были серыми, пористыми, покрытыми накипью после мытья. Этими плитками был выложен порог или пол комнаты, либо подвала.

22 Что-то вроде большого зала во всю глубину дома, мне следовало бы его начертить, до самого конца сада, или парка, до лестницы, спускающейся лицевой стороной во двор, с балюстрадой спереди, на которую можно опереться и полюбоваться зеленой водой, отсвечивающей внизу меж деревьями.

Улица соединялась с дорогой, где ехало множество автомобилей, в основном – грузовики. Улочка огибала дом и была столь узкой, что, если на ней сталкивались два человека, они могли лишь вежливо отпихнуть друг друга. Там проходили дети, отправляясь на фермы за свежим молоком, овощами и яйцами. Я забыл сказать, что они часто зарабатывали на этих покупках монетку.

Но дом совершенно разрушен, я должен буду нарисовать то, что мне нравится, и вспомнить, как в детстве мы большой толпой ходили играть в этот сад: хозяин нам разрешал, он был человеком общительным.

Я терпеливо затачиваю карандаш перочинным ножом, рисую простые геометрические фигуры: бумага неплотная, и графит продавливают в ней колеи, протыкают дырочки. Но я хорошо вижу, что нарисовано: дом занимает угол, образованный двумя перпендикулярными улицами. Одна широкая, несколько сотен метров в длину и соединяется с

автотрассой, а другая улочка тянется на полкилометра, после чего распадается на тропинки, расходящиеся к лесу, лугам и фермам вдалеке.

Это старинное поместье, прозванное «Усадьбой со рвом» из-за грязной, судоходной, возможно, местами забетонированной реки, текущей вдоль западной границы парка. Этот аварийный, развороченный ненастями дом с гниющим деревянным корпусом остается необитаемым. Возвращаясь из школы, дети любят бросать здесь своих товарищей, которые этого боятся.

23

Ну вот. Я прикрепляю рисунок к двери и не свожу с него глаз. Бумага приколата булавкой: торчит лишь металлическая головка величиной с красное пятнышко – чешуйка засохшей крови, оставшаяся на пальце после прокола.

Шагнуть к столу, опираясь о стену с вырисовывающимся окном. Вернуться на середину

на полу лужа черной, густой жидкости, напоминающей сироп, пересахаренный кофе, живопись

комнаты

и сесть на плетеный стул. Вытянуть ноги.

В деревянную дверь вонзен нож. Его нельзя выдернуть: он прошел насквозь, и,

возможно, раненое вещество, точно живое дерево, плотно обхватило металл.

Когда человек получает удар ножом, копьем или рогатиной в живот, он со стоном хватается обеими руками, оббивает и обхватывает оружие. Человек и оружие становятся единым актом насилия, единой болью. Живот, пожирающий сталь, бьется в любовных судорогах: убитый испускает дух, кружась на месте.

24

Прежде в этой деревянной двери торчала лишь булавка: она удерживала лист бумаги.

Половина пятого. Дети выходят из школы. Вот они уже на улице, где вечно слоняются этими чудесными вечерами.

Вон тот держит в руке длинный гибкий прут, вырезанный из орешника.

Он просовывает руку через дыру в решетке и ломает длинный поднимающийся побег: древесные волокна сгибаются, но рвутся лишь наполовину. У мальчика нет ножа: приходится скручивать прут вокруг надлома. Волокна растянулись, свились в растительную спираль, а затем порвались.

К концу года, перед сбором лесных орехов, паренек срывает их сквозь решетку, после чего, стоя рядом, раскалывает зубами

мягкую скорлупу и достает желтую, горьковатую мякоть, которая липнет к оболочке и распадается на гладкие белые кусочки цвета слоновой кости, похожие на молочные зубы.

Дети по очереди проходят мимо кустика, срывая пучок листьев и два-три ореха, а затем продолжают путь, визжа и смакуя на языке сладковатое молочко незрелых плодов.

25

Сорвать ветку с зубчатыми листьями, на которой висят гроздьями по три-четыре черные ягоды: круглые, гладкие, твердые плоды с горьким вкусом.

Пройти вдоль школьных решеток за этими кустиками и поискать в заборе брешь. Я не нахожу ее и жду ночи, чтобы перелезть.

Захожу во внутренний двор, в туалеты, в коридоры с широкими оконными проемами, пронзенными темнотой: она кажется жирной, липкой и заглушает мои шаги по гравиию.

Во дворе пустынно. Ни одна человеческая тень не потревожит эту тишину и пустоту, где словно играют призраки детей, которые манят и в то же время отпугивают незваного гостя: перед ним все исчезает.

Я в нерешительности, мне уже не терпится уйти, так как я знаю, что могу входить, выходить и оставаться там, не мешая, не касаясь и не хватая ничего живого.

Кустики с черными ягодами вдоль всей решетки или цветы, большая полоса гря-

зи, гряда поломанных парт, что угодно – все, что мы достаем из тайников головного мозга, думая о деревне и пустошах, непрерывно, однообразно: единственное воспоминание, единственный образ, который я еще могу воскресить, изучить, представить.

Пока эти образы появляются, движутся и разрушаются, время стирается, а жесты замирают.

26

Дом хранил на себе печать воспоминаний: в некоторых комнатах можно было столкнуться с прежней эпохой. На первом этаже открывался большой и просторный зал, посередине которого начиналась двойная винтовая лестница. По обе стороны зала – огромные комнаты с высокими потолками, деревянными панелями, гулкие и обставленные с провинциальной старательностью: реликвии жеманного века, старинные столы, застывшая неразбериха тех мест, где так славно когда-то жилось.

Но рядом с домом раскинулся фруктовый сад с белыми цветами. Хотелось срывать их, мять глуповатые венчики с выемками, как у крестьянских корсажей, – безмятежные, слишком свежие на солнце и чересчур гладкие на ветру, – которые апатично ждали, пока сквозняк оплодотворит, оприходуется, напицкает семенем, заполнит их по самое

горлышко. Белые лепестки осыплются, и эти белые самки раздуются, точно фурункулы, вывалят на живые листья свои измученные животы, вспухнут большими, безвкусными и сочными плодами, которые будут лопаться, разбиваться и гнить в траве, обследуемые хоботками насекомых, а дерево, наконец-то избавившись от этих подвешенных волдырей или опухолей, выпрямится во всей своей наготе и силе. Сначала должно было закончиться лето, чтобы осень сбила все эти ганглии и туго натянула лес грубыми копьями.

Вот уже много лет никто не выходит из этого дома и даже не показывается в окне. Времена года больше не сменяют там друг друга.

Он прихотливо ступает без определенной цели и просто наслаждается тайнами этого необитаемого места. Солнце и многочисленные источники света, ласкающего его детскую кожу, присутствие крошечного мира на уровне глаз.

Он подходит к дровяному сараю. Пол там земляной, кремового цвета и стирается в пыль мельче и легче песка, которая понемногу припудривает кожаные сандалии и ступни.

Мальчик садится на корточки перед нижним закромом и наблюдает за игрой пауков, мышей и теней в глубине.

Я храню прядь древних, ломких волос, которые рассыплются в прах, если помять их хоть пару секунд пальцами. Они тускло-белокурые, не волнистые, а закрученные, точно стружка, и ничем не пахнут.

Солнечный свет заливает столешницу, и я кладу эту прядь туда. Она тотчас привлекает серую муху, которая пробегает по ней, а затем улетает. Больше ничего, но солнце постепенно оживляет волосы, возвращая им блеск, который сродни не столько золоту, сколько древесине, шкуре, плоти.

Прядь меркнет с наступлением вечера. Я начинаю различать звонкие вибрации комаров, несметных летом, которые меня отыскивают и окружают. Ночь ясная: лунный луч обводит оловянный подсвечник белым контуром.

Насекомые еще не кусают, а лишь кружатся у головы, возможно, привлеченные запахом пота на лбу и волосах. Я не сплю и прогоняю комаров широкими взмахами рук, моя ладонь натывается на стену и чувствует ее свежесть: я подхожу и с наслаждением к ней прижимаюсь.

Это прикосновение меня расслабляет. Комары задевают кожу: их гудение сначала покажется мне далеким, а затем я потеряю сознание.

Волосы ребенка светлее каштановых – того белокурого цвета, что оставляет на дне сетчатки ярко-красное изображение.

Это сельская, лесистая область, где нет ни одной деревушки, хотя здесь протекает множество рек.

Это сеть ломаных линий, избегающих друг друга либо соединяющихся между собой: одни толстые, а другие едва различимы. Сквозь эту вязь проступает лицо.

29

Лицо, заключенное в кольцо из разнообразной растительности, состоит из набора вписанных друг в друга треугольничков, трапеций, овалов, кругов: тонкий, экономный, аккуратный чертеж.

Там можно представить портрет существа, которое никогда не жило на белом свете и которому даже невозможно этого пожелать.

Ребенок вскарабкался на верхний за-
кром дровяного сарая и упирается коленями
в кровлю, но ему мешает балка, куда голов-
кой вниз вбит гвоздь. Мальчик вытаскивает
этот гвоздь и зашвыривает его подальше – в
мусор на полу.

Его волосы свежие, но пахнут днищем
платяного шкафа: нафталином, цветками ла-
ванды в кисейном мешочке, старой кожей с

бальным ароматом. Я спрятал их между страницами книги, точно засушенный цветок, и, точно цветок, нюхаю, трогаю, выставляю на солнце, обвязываю синей ленточкой: ленточка и волосы – настолько старомодное, странное, отчасти нелепое сочетание, что я убираю их с глаз долой.

30

Вечерний запах сырой земли усиливается, дождь барабанит в окна, просачивается сквозь неплотные стыки, проникает внутрь и пачкает пол.

Сонный день. Серая улица. Собаки не лают.

Ребенок входит в мой дровяной сарай и запирается на засов. Мальчик залезает под нижние закрома с хворостом, сажей и грязью, принесенной вместе с собранными ветками, и парочкой сухих покоробившихся листьев на решетках. Он рассеянно кромсает тонкую черную кору, и она разлетается завитками праха.

Сарай не закрывался: три стены, красная крыша и никакого освещения – солнце восходит с другой стороны. Двор спереди был вымощен до самого сада; углубление в мощном дворе тянулось вдоль буквы «Г», образованной домом и пристройками под прямым углом.

Мальчик взбирается на верхний за-
кром и там ложится: он видит изнанку че-
репиц сквозь кровлю, в которую упирается
коленями. Он обхватывает ими головку тол-
стого гвоздя, вбитого в балку, сжимает его в
кулаке и тянет: гвоздь выходит, оставляя кру-
глую, прямую, глубокую дырку – настоящая
бойня.

31

Деревья. Пронизанные воздушными
потоками, пролетающими насекомыми – рас-
тительные скелеты, рыбацкие сети, где ниче-
го не удерживается. Хотя издали они кажутся
плотными, почти живыми.

Меня интересуют лишь их мертвые
черные ветки с сухими листьями, которые
скоро опадут. Их можно собирать, распили-
вать, складывать на зиму.

Наконец, когда сваливаешь поленья
в очаг, дерево оживает, выбрасывая высокие
языки пламени.

Я сижу, сложив руки между ног и на-
крыв левую ладонь правой, и пялюсь на сте-
ну, где плесневеет ковер с вышитыми мухами
и колосьями, что плывут в выцветшем синем
небе, обнажая структуру ткани. К вечеру там
появляются вертикальные палочки: это ко-
мары, очерченные собственными тенями, –
они ждут, не шевеля крыльями, пока я попью,
поем, посижу и погашу лампу. Тогда они тот-
час полетят ко мне и будут мешать спать.

А тем временем снаружи

Лужайка вокруг неглубокого бетонного бассейна, рядом – дерево.

Над дверью – висячая лампа.

32

Другая дверь, ведущая в подвал, внизу лестницы, которая начинается на уровне сада и спускается напрямиком к фундаменту дома. Маленькая дверь, выкрашенная в бежевый цвет, с двумя зарешеченными стеклами.

С цветущих белых деревьев доносится пение птиц.

За двором – площадка, посыпанная белым, красным, серым щебнем, кремнем или раздробленной и отшлифованной мелкой галькой, обломками источенного мельничного жернова.

Ребенок бросает щебнем в птицу, а затем швыряет его в бассейн, где гниют бурые, размягченные листья.

Он идет к дереву с низкими, колючими ветками, покрытыми белыми цветами: они пахнут мочой и сахаром – хрупкие цветы, ромбовидные, зубчатые и заостренные, намокли от дождя и отяжелели от росы. Мальчуган схватил всей пригоршней острый конец ветки и встряхнул ее, оросив свои ступни и колени: он кажется абсолютно счастливым.

Нависающий над дверью фонарь зажжен, но, несмотря на внушительный отражатель, мерцает слабым желтым светом. Вода стекает на эмаль быстрыми струйками, а затем змеится по стеклянному колпаку: внизу падают большие капли, наполняя лужу, в которой отражается лампа.

33

Ребенок держит в сжатом кулаке майского жука, тот скребется и царапается лапками.

Небо в окне серое, к тому же зябко.

Я разжигаю огонь в камине и остаюсь лежать на кровати, а одеяла сложены кучей на полу. Тиковый матрас с большими продольными белыми и серо-красными полосами. В одном месте торчит клоч шерсти: веревочки проходят поперек, мешая надуть матрас по середине. Эти кисточки и выступающий толстый узел давят в спину.

В сезон рубили бамбук, и он долго горел с забавным треском рушащейся стены. Все каминны заполнялись легко разгоравшимися дровами. Запасы в сарае таяли.

В это время года птицы прячутся под крышей и молчат.

Лезвие этого ножа складывается в паз рукоятки: дети всегда носят похожий в кармане, чтобы резать или рубить что-нибудь, метать в ствол, дверь либо землю. Если шарнир, соединяющий рукоятку с лезвием, чересчур расшатывается, нож нередко складывается от удара, вместо того чтобы вонзаться: тогда это плохой, опасный нож, который то и дело превращается в клюв агрессивной птицы.

Этот клюв щипает за палец, и из него течет кровь. Но ребенок, игравший на моей лужайке, не закричал, а сел на корточки у бассейна и окунул туда раненую ладонь: кровь растекается густыми волокнами, что растворяются в поднятом рукой водовороте.

Итак, он вырезал большой побег – гибкую и прямую тросточку, которой так удобно хлестать. Один за другим опадали цветы, листья, шипы, узкие полоски коры – серые и кроваво-зеленые. Он стоял возле дерева, где цветет невысокий тюльпан с винными лепестками цвета разбавленной крови – в тени, сырости, мягкой траве: она наклонялась слегка вправо – туда, где светило солнце. Он был очень занят, думал, что поблизости никого нет, и не догадывался, что уже в следующую минуту поранится.

ничего

35

Смерть – явление преходящее. Никакого копошения или текучести. Скорее, просто расходящиеся клетки, беспорядочное бегство, труп разрушается точно так же, как распускается цветок.

Он сидел под деревом и напевал: рядом приземлилась птица, но это его не удивило. Напротив, ребенок протянул кулак, и маленькая дневная хищница опустилась, будто на насест.

У птицы узкие глаза и агрессивный, порывистый взгляд. Мальчишка встает и поднимает руку, словно запуская бумажный самолетик. Хищница сжимает когти: ее волнистое темно-рыжее оперение дрожит на ветру.

Он подошел к декоративному бассейну, наполненному дождевой водой: над ней склонялась плакучая ива, которая казалась огромной и венчала этот бетонный водоем, точь-в-точь как другие деревья окаймляют озеро. Ребенок закатал рукава хлопчатобумажной рубашки, встал на колени и отмыл от земли лезвие ножа. Наверное, забавы ради мальчонка метал его в траву, и тот вонзался стоймя: земля на лужайках нежная, податливая.

Прохладная вода обжигает ранку на пальце – неровный порез с искромсанными краями, оттуда течет уже не кровь, а бесцветная лимфа, липкая, точно слизь улиток, сидящих на стенках бассейна, будто затворницы в раковинах, пока их наконец не разбудит дождевая вода, поднявшаяся после нескольких ливней.

38

Ранка на его указательном пальце обильно кровоточит. Мальчик выпрямил его и отставил в сторону: очевидно, ему не больно, и будь палец просто вымазан в варенье, он держал бы его точно так же, чтобы не испачкаться.

Ночь ясная-ясная, луна в вышине, белые цветы. Лужайка однотонная, темная, потускневшая, усеянная серыми пластинками – травяным исподом.

Я выхожу. Кромешная тьма. Фонарь, освещавший порог, наверное, разбили. В стеклянный шар швырнули булыжником, и выпуклые осколки рассыпались по ступенькам. Вместо лампочки, тоже разбитой, торчат две перегоревшие кривые антеннки, желтое дверной ручки из очень бледного металла, отполированной ладонями.

Вмурованный в наружную стену фонарь состоял из большой лампочки и стеклянного корпуса в форме артиллерийского снаряда, защищенного эмалированным отражателем, похожим на перевернутую тарелку: простым нажатием этот фонарь изящно направлялся вниз. Проходя мимо, какой-то мальчонка швырнул камень – или, возможно, даже целая группа мальчишек пыталась попасть в стеклянный шар и сразу убежала, едва тот разбился.

Невелика потеря, ведь электричество, вероятно, давно уже отключили.

40 Я достаю из кармана старый клочок бумаги, который без конца туда засовывал, вновь вынимал, рассматривал и черкал: он желтый и такой отсыревший, что разрывается в руках. Я его скомкаю и выброшу. Нет, перечеркиваю одну часть рисунка, а затем поглубже запикиваю бумагу в карман.

Ров грязный и матовый. Трава горит – деревья тоже, один раз – звуки – нет, я возвращаюсь к себе.

Никого. Высокие деревья с серым блестящим исподом.

Чуть позже в небе: волдырь гнойно-желтого цвета – луна с синими прожилками, варикозный пузырь. Отвратительный, точно болезнь.

Слышны ли шаги по гравию аллеи за домом, с изнанки улицы.

Подвижные белые облака. Я жду, пока выглянет солнце. Паренек наблюдает за мной, не шевелясь. Мы не будем разговаривать.

Прямые ноги, напряженный живот,
был у себя.

теперь почти ничего

Тело раскрывается и растягивается,
его клетки лопаются и сочатся, оно медленно
увеличивается, будто созревающий зародыш.
Роды в траве труп растет.

Он лежит на свежей траве гладкой, густой, недавно скошенной или подстриженной лужайки. Она сохнет под открытым солнцем, и острые концы срезанной травы, возможно, колют ему подошвы. Но он не шевелится, не певает, и его глаза смеются от света.

Тягостный зной, как всегда летом. Поднимающиеся тропинки, урожай, упаривающие птицы, девушки в соломенных шляпках, изнеможение, испарина; вода для утоления жажды.

Его узкий белый торс, перерезанный под сосками поверхностью воды; отблеск рядом с подмышкой: желтый солнечный свет.

Ребенок сидит не на толстых ляжках, а на первых изгибах ягодич, где только начинается их разделение. Он раздвигает локти и вытягивает руки плашмя на воде.

Солнце размером с яичный желток. Рука лодочкой под водой, собранная в горсть под этим желтком: пальцы разжимаются и сжимаются, яйцо накаляется и распадается на кривые волокна – юркие, точно зародыши. Кулак сжимается и разжимается вокруг водяного столба, который он сам же и порождает, а затем играет в бильбоке с этим столбом и всклокоченным солнцем. Рука с соединенными пальцами вытягивается, выступает из воды и снова окунается, увлекая за собой маслянистые лучи, тысячи желтых и белых нитей, которые дрожат, рассыпаются и запутываются. Этот узелок света под его плоской левой грудью со слегка заостренным розовым соском.

Вдоль другого берега бежит и вздувается не столь чистая и нередко бурлящая вода. Мальчик приходил нырять сюда, поскольку ров слишком глубокий. При резком погружении поднималась тина, которая липла к его ногам. В этой тине содержался черный перегной, она изобиловала водорослями, насекомыми, разложившимися трупиками. Затем течение смывало этот налет слой за слоем, обнажая белизну гладких, живых, глянцеви-тых ног.

Каждый летний день ребенок приходит сюда один, разгоряченный после бега, чтобы раздеться, лечь в воду, играть и мечтать – ведь ему, должно быть, нравится то оцепенение, что вскоре охватывает, когда свободно плава-

ющие руки, ноги и член отрезаются от тела, становясь дремлющими зверьками, блуждающими в холодной влаге.

Он на месте около пяти часов, одним махом выходит на середину пяточка для стирки и садится (вероятно, он не умеет плавать), удерживая неподвижные руки параллельно друг другу, пока на поверхности прозрачной воды больше не останется ряби, невзирая на течение, – или пока медленные волны, отходящие от туловища и порожденные дыханием, не затихнут у ступней.

45

От этого долгого холодного купания мышцы мальчика затвердевают, кожа стягивается, член сморщивается. Событий не так уж много: звук шагов, на который он оборачивается; ползущий уж его не смущает; жужжащее насекомое, составленное из двух спаривающихся мух, задевает его за плечо, приземляется в танце и машет крыльями, обалдевая от боли. Паренек пальцем сталкивает мух в воду: они цепляются за живот и неустанно барахтаются.

Его худые предплечья, где солнце высвечивает легкий светлый детский пушок; и сухожилия, вздрагивающие, когда на кожу садится муха.

Он отошел от реки и лег в траву. У него немного потеют живот, сгибы локтей, поясница, подмышки и промежность: лишь теплая влага, как если бы он наскоро вытерся после ванны.

Солнце закрывает гряда облаков. Его тело овевает ветерок; зябнущая кожа покрывается мурашками, но затем разглаживается; медленно возвращается тепло.

Мы находились рядом с липами, на территории усадьбы, недалеко от реки, чьи воды скользили к полям: там высятся камыши, тростник, большие дикие ирисы с желтыми лепестками, мясистые и благоухающие.

Птица облетает поместье, неторопливо паря: круги сужаются, и она теряет высоту.

Внезапно она падает на землю в саду, где залитая солнцем трава с очень тонкими стебельками растет вперемешку с одуванчиками, вьюнком и подорожником.

Паренек суетливо пытается отпереть перочинным ножом ручку решетчатой калитки. Он замечает у рва мертвую птицу, узнает ее рыжее оперение и клюв-мотыгу.

Мальчик цепляется за решетку, подтягивается на руках, поднимается и быстро хватается за верхний край калитки, покачнувшейся под его весом. Подтягивает ступни, перекидывает ноги через калитку и спрыгивает с другой стороны.

Чтобы добраться до рва, нужно сделать всего пару шагов по крапиве. Ребенок трет пальцы, на которых ржавая решетка оставила следы охровой пыли.

Под деревьями прохладно и тихо, совсем рядом – чистая вода. Это его притягивает и волнует. Он оглядывается, гордясь, что сумел перелезть через калитку, и устремляет взгляд вперед – к неизведанным высоким травам и стенам: в самом конце угадывается серая громада особняка.

48

Он идет вдоль рва, косится, как истинный крестьянин, на кресс-салат, сплошь покрывающий стенки, и срывает его: закруженные листья льются ручьем в ладонь.

Он находит мертвую птицу, подбирает тросточку, чтобы осторожно потрогать, перевернуть, увидеть открытый клюв, тускло-голубой глаз, вялую шею и лапы, муравьев, которые уже ползают по тушке, проникают в глазницы и ноздри, залезают под перья.

Запах внушает мальчику отвращение и в то же время возбуждает: он берет прут длиннее и крепче и кромсает эту плоть, от которой отрываются перья вместе с гниющими клочьями.

В воде бассейна, блестящей на сером и спокойном дне, виднеются рога и целая голова жука-оленья, которую птица уронила, проглотив только брюшко: насекомое оказалось слишком крупным.

Ребенок играет, сжимая этими клещами свой палец, а затем и мышцу руки.

Он снимает сандалии, окунает ступни в воду и баламутит тину: из замедляющегося водоворота стройными рядами появляются пальцы ног.

Внезапные шаги. Паренек бросается в кусты. Но сандалии, оставшиеся на берегу, возвещают о том, что он здесь недавно проходил и находится где-то неподалеку. Он сидит на корточках и не шевелится.

49

На него устремляется взгляд. Я наклоняюсь и роюсь в грязном тряпье, скрывающем от меня его кожу, живот, белые ляжки. Мне хочется не столько приручить его, сколько причинить ему боль.

Все так и будет. Затем он встанет и пойдет наутек. Нужно лишь перелезть садовую калитку, и вот он уже снаружи, целый и невредимый – но как раз перед этим он споткнется о тушку птицы, которая снова взлетит в воздух.

На правой руке он носит кольцо из желтой пластмассы с большим сапфиром из

синей – наподобие того барахла, что обычно вытягивают из ярмарочных автоматов.

Я провожу ладонью по изгибу хрупкого тела раздетого ребенка, который лежит в траве, чуть слышно дыша.

50

Он посмотрел на меня сквозь решетку: я подошел, протянул руку и потрогал пальцы, которые он просунул в ячейки. Упершись в косяк, я изо всех сил потянул ручку калитки и энергично затряс, но мне так и не удалось сломать ржавчину, из-за которой ее заклинило. Он удрал.

Там нечего искать. Пройти через калитку, ведущую в проулок, и вернуться к домам с кружевными занавесками на окнах

мое кованые прутья проследовать вдоль моей стены, подняться по ступенькам к порогу, войти, резко захлопнуть за собой дверь.

Я свернул всю одежду в клубки и один за другим побросал их в воду. Клубки уносило очень быстрым течением, они не цеплялись за неровности берега, намывную косу или корень и, наполняясь водой, не тонули на месте.

Он снимает рубашку и штаны, подходит к пяточку для стирки, немного медлит, затем стаскивает плавки и очень быстро влезает в воду. Дети редко приходят сюда купаться в одиночку: они не такие уж смельчаки. Вода в реке прозрачная, и на бетонном дне можно разглядеть камешки. Паренек вылавливает их слева и справа от себя и отбрасывает дальше: среди них есть плоские, но они плохо отскакивают.

Маленький образ куда краше. Своими тонкими контурами он обрисовывает более округлые и ясные формы. По улице проходит образ – прекрасный, будто новая жизнь.

Дом затерялся среди обширного участка, исчез на плане, где изображены лишь необитаемые площади. До него далеко. Сюда никто не приходит.

Едва выйдя из школы, мальчишка начинает о нем думать и шагает чуть быстрее. Это дом, куда он порой навевается вечером или во второй половине дня, от нечего делать – мертвый и опасный дом, где всюду ловушки, провокации, тайны, прекрасный дом в его голове, знакомящий с тем, чего не увидишь, не испытаешь, не выразишь больше нигде. Не решаясь войти, он огибает поля и добирается до ферм.

Камешки в несколько слоев – большой запущенный сад – фонарь, калитка, тюремные окна. Он поднимается по ступенькам. Дотрагивается до ручки, но вдруг пугается и убегает. Он еще вернется.

На сей раз проезжающие по трассе грузовики вовсе не страшат, а успокаивают своей запыленностью, вкусным запахом го-

релого бензина, мощным дыханием, укладывающим траву на откосе. Ребенок торопится.

Огонь не трещит. Шторы задернуты. Мальчик встает с моей кровати и незаметно смотрит в окно.

54

Идет дождь: далеко в глубине сада он увидел высокую и худую тень, скользившую под деревьями.

Теперь он мирно спит. За шторами восходит луна. Одеяла лежат на кровати: он подтянул их до самого подбородка. Охотничий трофей отбрасывает на потолок раздвоенную тень. В верхней части крыши, как раз над моим окном, гнездятся ночные птицы, сейчас время их пробуждения.

Ибо он находился там, в той комнате. Он не играл – остолбенел, расставив руки, и тело его обмякло. Довольно тощий ребенок с острыми костями, маленького роста, с великоватым лицом.

Он подбирает свою одежду, которую, раздеваясь, разбросал повсюду. Потолок кажется ему чересчур высоким, стены – чересчур тесными, а свет – чересчур слабым.

Он лежит на жесткой кровати и видит собственное тело под одеялами перед собой,

бурое тряпье детского кроя – старую, заплесневелую, рваную ткань, в которой застряли строительный мусор и паучьи яйца.

Я принес ему белую фарфоровую чашку с синими кругами, до половины наполненную свежим молоком – густым и с прожилками, как на женской груди. Он пьет, косится на меня, остается серьезным и не благодарит.

55

Он долго бежал и, запыхавшись, прислоняется к двери, не решаясь открыть. За спиной у него темно, но порог освещен. Вжимаясь в дверной проем, мальчик старается не смотреть на улицу, затем слышит шаги и поспешно входит.

Подсвечник и спички у него под рукой. Осторожно поднимается по расшатанной лестнице.

На табурете у кровати, в тяжелой фаянсовой миске мелкие фрукты: ежевика, брюнны, абрикосы, поздние вишни, собранные у реки

свежая вода с плавающими листьями и лепестками наступающая, умирающая ночь, я шарю вокруг, горизонт фиолетовый любое присутствие в темноте

пора прийти сюда, посмотреть на его тело
семена дикой травы, прилипшие к желтому
бархату в самом конце луна озарит
большие, поросшие травой соски.

В том году погода была облачной, небо
пасмурным, постоянный сумрак. Мы собира-
ли толстые белые грибы с трупным арома-
том тело раздувается и сочится в
56 тепловатой сырости этой поры.

Я свалил в костер срезанные ветви,
убрал старый хворост из закровов, отодрал
заплесневелую кору. От разбитой и расто-
птанной черепицы на земляном полу остался
красный порошок.

В темноте передо мной – горящая пур-
пурная точка, окруженная пылающим орео-
лом, на конце сигареты в моей руке, которой
не видно. Точка пляшет и медленно парит,
красный свет, направленный на

когда я прячу сигарету в горсти, точка
исчезает, затем я снова ее открываю, толь-
ко чуть дальше, выше, ниже, поворачиваю к
себе, к

Он смотрит в темноту, точка расширя-
ется, гаснет, снова зажигается в другом месте,
играет, выступает вперед, заливает кожу рас-
сеянной краснотой – что видится ему прино-
шением, с ожогом пахучей пурпурной точки,
которая приближается

которая перемещается, обнажает при-
сутствие тел, предметов, движений, сверкая,
точно галактика, куда ребенок устремляет

взор, пытаюсь отыскать дальше, выше начало этого внезапно возникшего мира. Он боится тепла очага, где огонь раздувается, позволяя различить пальцы, которые держат сигарету, отводят ее, снова приближают, чтобы можно было новыми глазами ее созерцать – бесконечно далекое красное солнце, полностью сгоревшее и бросающее последний отблеск на молочно-белый океан нашей кожи.

57

Мне нужно выйти и посмотреть. Этой дорогой я доберусь до той части имения, где вырыт длинный канал. Когда-то он был наполнен водой, отведенной от реки, что текла чуть дальше через поля. Этот канал называли рвом: он притягивал ползающую и летающую нечисть со всей округи. Той ночью тучи комаров – любителей испарений, поднимающихся над грязью к нижним веткам лип, – остаются поплавать в мешках зловонного воздуха, висящего вдоль канала.

Я слышу, как на улице поет ребенок.

Мой черный дом под открытым солнцем.

Моя комната с паркетом в елку, из твердого и гибкого дерева, блестящего, даже невзирая на пятна.

Моя река за липовой аллеей, где больше сорока деревьев.

Мое окно – дуновение от залитой дождем черепицы. Старая серая штукатурка, четыре стены, высокий потолок. Свеча, которая освещает меня, когда я спускаюсь по лестнице: сало стекает в чашечку подсвечника. Эта лестница с множеством пролетов, по четыре на этаже, что спускаются вместе со мной.

Он проходил там, поднимался здесь, садился перед этим камином, цепенел от колышущегося пламени.

В комнате тепло: из одежды ребенок оставил лишь короткую грязную майку, под которой прерывисто вздымается грудь. Все остальное обнажено, хоть и остается невидимым – ведь он накрывает член рукой.

Он на полу. Паркет лакированный, холодный, светлый. На глянцевитой поверхности конденсируется влага, выделяемая телом: матовое пятно, внутри которого находится ребенок. Он сидит на ягодицах, выпрямив живот, вытянув ноги и упираясь руками в пол.

59

Он лежит, и его покидает последнее тепло, пока сидящая сверху птица клюет ляжки, порой обращая сердитый взгляд на камин с догорающими дровами.

Черные ягоды такие спелые, что мгновенно растворяются во рту: паренек собрал целую пригоршню, они мокрые от дождя.

На ходу он проводит рукой по моей решетке – так пальцы арфиста скользят из конца в конец по инструменту: от быстрых многократных ударов железных прутьев по фалангам вибрирует запястье, это доставляет ребенку неясное удовольствие, он ускоряет шаг, и вибрация ослабевает.

Множество черных, почти жидких и очень сладких ягод висят на кустах с шершавыми листьями и длинными пурпурными шипами, похожими на акульи зубы.

Он сворачивает за угол и снова идет по проулку: слева теперь тонкая бетонная стена, по которой он тоже проводит пальцами. Он доедает собранную ежевику. Пятна сока остаются на правой руке, в уголках губ и даже немного на лбу, возле брови: наверное, он там почесался.

Он видел, дотрагивался до этой решетки и этой стены. Не было никакого смысла их придумывать, это неинтересно. Все произо-

шло – однажды, не знаю когда. Ежевика редко чернеет раньше августа, ну а дети все время растут: этому десять лет, а через десяток лет другим тоже будет десять, как ему сейчас.

Я выбираю длинный сухой прут – сре-
занный весной грушевый побег – и ухожу к
дальним деревьям, прилежно, злобно, мед-
лительно стегаю стволы, цветы, высокие тра-
вы.

Там лежит ствол спиленного дерева:
я сажусь на него и дожидаясь наступления
темноты. В сумерках все станет пустынным:
это мое время. Шорох при ходьбе по смятой,
придавленной траве лужайки, где остаются
следы и слышится шум шагов.

Я нашел на земле и держу при себе ста-
рый охотничий кинжал с роговой рукояткой,
длинным, широким лезвием и чистым, зато-
ченным острием, не изъеденным ржавчиной:
им перерезали трепещущие глотки, вспары-
вали зловонные животы.

Я не выходил, закрывал жалюзи, са-
дился у плиты, где грязно-голубым пламенем
горел газ, временами выпуская языки винно-
красного цвета. В камине поднимались другие
языки – желтые, зеленоватые, ярко-красные.
Напротив оштукатуренной стенки, где чер-
ный дым оставляет длинный след, мерцала
свеча.

Словно всюду пожары.

Хоть комната и скудно обставлена, она такая маленькая, что не развернуться. На стенах с осыпающейся штукатуркой свисают клочья обоев. Оконные стекла грязные, но блестящие. В противоположной стене открывается довольно узкая дверь, верхняя филенка изрешечена дырочками: туда безжалостно вгоняли кнопки, металы стрелки и перочинные ножи.

Эта комната расположена в большом доме.

Развалюха с единственной жилой комнатой на первом этаже. Крыша провалилась, а стены обрушились, обнажив слишком тонкий потолок, не способный выдержать ненастье и укрепленный снаружи хворостом, соломой, кусками брезента.

Разруха не пощадила и службы, дровяной сарай, помещение, служащее наполовину конюшней, наполовину гаражом. Большой участок на задах зарос сорняками и завален обломками.

Словом, это ничем не отличается от обычного разрушенного дома. Пожар, вы-

званный, очевидно, молнией, уничтожил всю верхнюю часть, но не распространился на первый этаж, пострадавший, в основном, от обрушения верхних.

Вопреки опасности, которую он должен предчувствовать, мальчуган продолжает приходить в это жилище и спокойно, бесшумно перемещается из одной комнаты в другую, от одной катастрофы к другой.

65

Лестница внезапно обрывается при подъеме на второй этаж: несколько ступенек ведут вдоль стены и вдруг проваливаются в пропасть – в пустоту, зияющую посреди руин. Последняя ступенька сторела, но своеобразные перила позволяют не упасть: из-под обломков торчит искривленный стальной брус.

Вверху этой стены сохранилось окно, правда, без ставней: снаружи его обрамляют белые кирпичи, а изнутри – синие и золотистые рейки. Поскольку стена завершается подобным образом, окно напоминает бойницу – геометрическую фигуру, которую зубчатая развалина преподносит пустоте.

В полдень солнечный свет проникает сквозь дырявый потолок до самого подвала, и сломанные балки скрипят от палящих лучей.

В темноте, в глубине камина, горели сухие дрова. Было тепло. Это нагромождение в очаге, над которым склонялся детский силуэт, напоминало груды обломков, истре-

бляемую огнем, дом, где больше не живут и никогда нельзя будет жить: круг пляшущего света, куда устремляются взгляды, боясь заблудиться в потемках лесов и лугов, подчеркнутых высоким пламенем пожара.

66

Падения, вспышки: дверь раскалывается на несколько филенок, камни вываливаются, балки трещат, пламя вырывается; обнаженные стены, зияющие окна, разбитые стекла с большими тряпками, порхающими в порывах горячего воздуха. Стена падает вперед, земля гудит. Позже идет дождь, из дома вылетает скудный черный дым – вода, испаряясь из сажи, поднимается в небеса. Камни омыты, зола потрескивает, трава дрожит.

Лучше было бы осмотреть дом снаружи, подойти и постучать в дверь, чтобы удостовериться, что она не открывается, заглянуть в окна, дабы убедиться, что там никого нет, – чтобы узнать, обитал ли здесь кто-либо в том самом месте, где я живу, хожу, подстерегаю ребенка, прячусь сам, не в силах произнести ни слова, лихорадочно желая быть замеченным или, наоборот, отказываясь быть тем, на что можно смотреть, что можно узнать, о чем можно рассказать.

Комната, где каждый предмет, найденный в обломках, невредимый либо испорченный, откладывается про запас, независимо от его назначения: подвальный закуток, где они расставлены на обгоревших досках, громоздящихся друг над другом рядом с лоханью для стирки, с глубоким бетонным желобом, куда стекает грязная вода.

Внутри. Четкая, ясная точка моего тела мало-помалу растет, вытесняет скуку, вновь наполняет энергией кровь. Эта точка – внутренний образ: он способен разбудить член, взволновать или, напротив, усмирить плоть; блуждающая энергия не смеет найти себе применение. Образ смятения, исступления, где бушует и погибает несметное множество жизней и связей, что приходят, разочаровываются, уходят и приходят вновь.

Его руки и ноги расставлены, живот поддается, плоть разбухает и внезапно твердеет. Солнце нагревает частички, взлетающие вокруг нас обоих.

Я стоял посреди лужайки и смотрел на худое, незавершенное, ничтожное тельце. Я пошел прямо к реке и бросил туда довольно крупный пакет, завернутый в бумагу, наспех перевязанную бечевкой: оттуда торчали концы и складки разноцветных тканей.

Он носил короткие штанишки из потертого золотисто-желтого бархата, не доходившие до грязных, ободранных, закругленных коленок. Сандалии из мягкой кожи на босу ногу – орехового цвета, напоминающе-

го школьные портфели. Волосы расчесаны на пробор, с торчащими вихрами. Сидя по-турецки, широко раздвинув колени, расслабив живот, он чесал ногтем пятки и лодыжки с черными линиями грязи, въевшейся в мозолистые складки.

Он лежал на откидной койке, украшенной травой и сухими цветами, в подвале.

Скамья из черного дерева, где сидит ребенок, стоит у стены подвала с небольшими окошками.

Поэтому он поворачивается спиной к стене, зачарованный глубиной комнат, открывающихся одна за другой перед глазами.

Сзади он отчетливо слышит шум дождя и шаги, когда кто-нибудь идет по улице напротив дома.

Птица держит в когтях серую мышь, методично кромсает ее шерстный покров, начиная с шеи, и постепенно высасывает кровь: клюв прорезает в плоти узкие трепетные щелки.

Шарик серой шерсти, над которым висит клюв. Птица стоит на груди других похожих шурупов, складывающихся в очень мягкую шубу, приятную телу.

Мышиный писк затихает.

Взлетевшая птица ловко покидает подвал через окно и садится на ближайшее

дерево. Вцепившись в голую ветку, она расправляет крылья. Идет дождь, и насекомые прячутся под землей.

Когда я спускаюсь по лестнице в подвал, уже темно. Я освещаю путь подсвечником, в который вставлен огрызок грязно-желтой, капающей свечи.

71

Пол подвала земляной, не считая одной вымощенной части, куда я становлюсь на колени, чтобы приподнять плитку и спрятать в тайник одежонку. Свет моей свечи, стоящей на земле, отблескивает на выступах неплотно пригнанных плиток. Впереди дверь из бежевой древесины с зарешеченным стеклом ведет к лестнице, поднимающейся на поверхность – в сад.

Я спускаюсь по лестнице и смотрю сквозь стекло: внутри подвала мне поместился неподвижный, ярко окрашенный силуэт.

На филенке двери видны четкие отпечатки пальцев, испачканных чем-то жирным и коричневатым – смесью крови и пота. Не припоминаю, чтобы я касался этой древесины раненой рукой. Но у него поперек пальца был длинный, рваный, опухший порез, который никак не заживал, поскольку он пользовался рукой как обычно, так что при малейшем усилии рана открывалась, и края расходились,

будто разгрызенные зубами. Он даже не помыл ее, и внутри засохла серая грязь, сквозь которую просвечивала краснота.

Под этими развалинами оставался огромный фундамент – подвал со стрельчатыми сводами и длинными, высокими, совершенно сухими комнатами.

Подвальная дверь открывалась очень крепким ключом, который оставляли в замке. Здесь хранилось вино.

От центрального помещения крестообразно расходятся четыре коридора со сводами пониже. Длина их – пять-шесть метров, и заканчиваются они тупиками. В глубине – несколько отверстий меньше подвальных окошек, похожих на бойницы или дверные глазки, через которые еще лучше поступает свет снаружи. Четыре луча из каждого коридора перекрещиваются на их пересечении, образуя восходящий, вращающийся, непостижимый столб: пол там выложен большими розовеющими плитами песчаника.

В этом помещении лежит очень старая, обтрепанная по краям серая шуба, словно сшитая из мышинных шкурок. И над этим благородным нарядом кружится солнечный ореол. Другие вещи, длинные льняные ру-

башки, перчатки из мягкой кожи можно было бы повесить к балкам. На углу двух коридоров высится пирамидальная груда бутылок из темного стекла.

74

Один из коридоров перед самым концом сворачивает в вытянутую клетушку, где стоит низкая кровать из дощатого ящика, покрытого сухой травой и одеялами: там явно кто-то лежал. В узкой нише, в углублении стены, латинский крест: Христа заменили пришпиленным жуком-богомолом, его крылья с тонкими растительными прожилками источены паразитами.

На доске сушатся черные грибы. В высоченное подвальное окно видна улица: у противоположной стены камни выложены квадратом, куда заключены серый рассыпчатый пепел и клочки ткани.

Мальчонка сидит на самом краю кровати и наблюдает за костром, горящим между камнями. Вдалеке бегают и кричат дети: он не шевелится. Лампочка часто мигает, словно скоро перегорит.

Недавно сорванные цветы клевера и прутик из орешника, который он только что подобрал на ходу. От скуки мальчик разламывает прут на маленькие кусочки и рвет цветы: если бы дело было днем, то, выходя из этой

комнаты, ребенок увидел бы полосу света на пересечении коридоров.

Моя свеча капает на ступени. Сегодня вечером все готово. Мне нужно только спуститься сюда.

Улегшись на сухую траву и завернувшись в одеяло, ребенок перестал шевелиться. Дуют сквозняки, проникает луч света, появляются и другие признаки

Штукатурка на стенах грязная, изрытая (или изрезанная) многочисленными неодинаковыми дырками, некоторые – величиной с кулак

теперь это рваные контуры, очерчивающие пятна потемнее, заполненные землей, рыхлой глиной, подручным материалом для маловероятного ремонта

еще влажная земля, откуда сочились до самого пола струйки воды, растягиваясь по стене вертикальными моренами, длинными и вязкими дорожками глины, вновь обращенной в пыль, сверкающие кремневые осколки

слой грязной земли, размашисто нанесенной на стену запахрва, тины, вязкая масса, размазанная руками, рисующими на белой стене человеческую фигуру – маленький силуэт с высоко поставленной головой, хрупкими плечами, угловатыми бедрами, красивыми и нежными ляжками: ниже колен рельеф незавершен

фигура, переполненная бурой землей, страстная поверхность с от-

Я достал из кармана перочинный нож и раскрыл лезвие, присел на корточки и начертил на земле прямоугольник длиной один метр или больше: контуры ямы, которую необходимо вырыть, или план, нарисованный тростью в пыли, чтобы объяснить кому-то дорогу или местоположение. Затем я показал каждую часть: прихожую, рабочий кабинет, столовую, кухню, буфетную, библиотеку, гостиные, сушильную, прачечную, комнаты – прорыл зачаток винтовой лестницы, ведущей в подвал, или определил место для улицы, дороги, садовых пейзажей.

Хлопает дверь. Верхнее окно открыто, но не освещено: лишь красные отблески огня. Одежда, висящая вдоль стены, похожа на людей без тела.

Одно окно открыто, в него дует довольно теплый ночной ветер, доносящий ароматы и шорохи. Дверь стучит либо скрипит: в при-

открытый проем виднеется зал с большими вытертыми плитами, выдолбленными за столетия хождений.

Пламя поднимается, а свет усиливается, краснеет, устремляется в вытяжной колпак: огонь отражается в неясных стеклах, я остаюсь у окна и вижу в этих стеклах свое лицо.

Вздрагиваю. Ребенок больше не поет. Костер догорает: внутрь вбит кривой гвоздь, черный на фоне очага, гвоздь постепенно накаляется докрасна, потом добела, искрится и вываливается.

79

Влажные от пота яички сильные тяжелые запахи мыла обширные скопления гнилых грибов под деревьями спермин тяжелые яички жиропот волосы на теле ладонь и пальцы щелочной запах как от трупа в жару старые юношеские яички

из-за полуденного солнца пот течет от затылка до поясницы и по ушам. У меня пальцы в крови, я спускаюсь в подвал по маленькой внутренней лестнице и мою там руки под краном.

Солнце оставляет ожоги на предплечьях, затылке, лбу, на каждом гладком участке моей кожи: ожоги, которых я больше не чувствую, словно вылеплен из красной глины.

Моя работа окончена: земля возвращается на место. Все покрывает только что пере-

вернутый гравий. Когда солнце высушит его сырую поверхность, выделяющуюся темным пятном в белой аллее, исчезнут любые следы: скоро наступит вечер.

80

Порхают клочки бумаги, которые порыв ветра швыряет в реку, и их уносит течением: минуту спустя бумага растворяется, размякшая масса растекается.

Эти белые клочки можно принять за лоскутья материи, отодранные от рубашки, нательного белья, давно разорванного и износившегося, точно утоленное желание. Белые, словно кожа, и прилипшие к ней – растерзанная ткань спархивает с плоти, тусклое пламя, пляшущее в этой ночи на лужайке, обвивая фигуру, которую можно вообразить: покинутое тело, живое или мертвое, прежнее либо сегодняшнее.

Этот листок мне больше не нужен: выйдя из меня, образ возвращается вновь. Выброшенный в окно комочек бумаги попадает под ливни, он больше не белый и не твердый, медленно разлагается, впитывая влагу земли и воздуха.

Он выделяется пятном на лужайке, и ветер переносит его с места на место: листок мог бы взлететь и упасть туда, где о нем на-

всегда забудут – он может плавать в стоячей либо проточной воде, его может кто-нибудь растоптать, он может порваться, зацепившись за обломок стены, или попросту заплесневеть в бурьяне. Как и любая другая плоть, растительная либо животная, обреченная на тление и разрывание, которая так же мокнет на солнце, в тени, под дождем, в снегу – ведь всякая материя интимно, любовно соприкасается с воздухом, теплом, водой, темнотой, до тех пор, пока не сотрется в порошок.

81

Глаза выколоты. Их оболочки высохли в глубоких орбитах. Слепая хищная птица сидит на спинке моего стула, наклоняется и выжидает.

Выколоты ножом или ногтем, гвоздем, заостренной палочкой.

Я подставляю под клюв птицы куски красной плоти, которые она отвергает, но при этом свирепо клюет мою ладонь. Кровь на кончике ее клюва, который птица понемножку открывает и закрывает, насыщаясь ароматной жидкостью.

Моя рана вскоре растягивается от складки большого пальца до запястья, напоминая след широкого пореза, где птичий клюв роется, пока наконец не отыскивает синюю, кровянистую, материнскую плоть моей руки.

День не в силах закончиться, каждый жест длится, противоречит себе, не удается. Порой жестокое нападение: этот укол между ребер, под левым соском, острие зверски обрисовывает форму сердечной мышцы.

Жара давит, у меня болит живот.

Ветерок не поднимается, орут птицы, это мертвая точка жизни.

Все удаляется и угасает или же раскрывается, чтобы исчезнуть: я попытаюсь спрятаться, создать или найти прочную и твердую оболочку, средоточие одиночества, жить в тайне, в изоляции чтобы перед глазами больше не стоял ни один образ этого мира достаточно просто ждать, чтобы меня забыли, словно один из сотни прочих осколков того же опустошенного пейзажа.

Тополь, далекая луна, нависающее голое бледно-голубое небо, серые хлопья чаек, ни ветерка.

вдыхать старые следы, вспоминать
старинные переходы

жизнь от начала до конца помедлив
между бегством и возвращением, оставшись
здесь, согнутым, неподвижным, согласным,
наконец невидимым
довольно

звуки, солнце, тень, возможно, беседка, где приятно ужинать, прекрасные летние вечера неотчетливые, старинные голоса, стук, скрежет приборов о фаянсовые тарелки, глухой удар бутылки, поставленной на металлический стол

школа, простой домик с большими оконными проемами, внутренний двор
просто мощный двор, дом, где никто не живет

грязное, костлявое, грубо сложенное тело с тонкими мышцами, угловатыми шарнирами, некрасивый ребенок, крестьянский или любой другой

или простое здание из дерева, или построенное из рассыпчатых камней этой местности

крыша заботливо покрыта луарским шифером

прямо напротив стен – высокие сухие деревья с ошипанными стволами, похожими на старые шесты для фасоли

и тяжелые гроздья тлей; возможно,
муфта из черных букашек с фиолетовым от-
ливом, покрывающая стебли георгинов

вдоль стеблей и под толстыми ярко-
зелеными листьями – тысячи неподвижных
тлей, искусанный шпорец растения, там, на
запущенной грядке

86 деревья без листьев, молодые со
стройными формами, старые с массивными
стволами, вскоре уже мертвые, заскорузлые,
большие костлявые хуи, черные и узловатые,
мерзнущие на ветру

больше ничего, и щебень, раздроблен-
ные камни, пляжная галька то же са-
мое, сотни раз передуманное, перевиданное
и снова убитое

образ тупа, банальный, словно кукла,
манекен в витрине

сильнее, старинный образ, прежний
силуэт, возможно, желанный

ничего этого здесь нет

1967; новая редакция – 1970 и 1974

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Тони Дювер
РЕЦИДИВ

В 1967 году парижское издательство «Полночь» получило рукопись романа «Рецидив». Знаменитый редактор Жером Лендон решил опубликовать сочинение двадцатидвухлетнего автора, «прозу Жана Жене, переписанную Аленом Роб-Грийе». В своей первой книге Тони Дювер (1945-2008) приступает к созданию диковинной сексуальной утопии, пейзаж которой развернется в его радикальных романах 70-х годов.

Марсель Жуандо
ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ

Николай Бердяев, назвавший Марселя Жуандо (1888-1979) «самым замечательным и глубокомысленным писателем современной Франции», не подозревал, что наряду с принесшими ему славу книгами о провинциальных нравах, богоискательстве и супружеских отношениях, Жуандо пишет и другие вещи: о великолепии мужских борделей. «Затерянные страницы» – последняя книга из цикла «тайных сочинений» Жуандо – была опубликована после смерти автора.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Ладислав Клима
**ПУТЕШЕСТВИЕ СЛЕПОГО ЗМЕЯ
ЗА ПРАВДОЙ**

Единственный немецкий роман чешского аутсайдера, философа-ницшеанца Ладислава Климы (1878-1928), написан в 1917 году. О публикации автор, убежденный в абсурдной смехотворности видимого мира, не помышлял. Рукопись чудом сохранилась, и в 2002 году повесть о встречах Короля Муравьев со Слепым Змеем была впервые опубликована в Праге. «Змея» можно читать, как постмодернистский роман, как блестящую политическую сатиру и даже как антиутопию.

Пьер Гийота
КНИГА

Пьер Гийота пишет «Книгу» с 1977 по 1979. В это время он погружается в глубочайший психологический кризис. Центральная тема «Книги» – проституция – больше не привязывается к месту и времени, а пронизывает все континенты и эпохи. Гийота вводит телесные реакции в саму структуру языка, где трансформации подвергается лексика, синтаксис, грамматика, пунктуация, спряжения глаголов. Литературный опыт Гийота близок к творчеству Антонена Арто, мечтавшего о том, чтобы поэтический язык был «чем-то средним между жестом и мыслью», «речью, запечатленной до ее словесного оформления».

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

**Эркюлин Барбен
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА**

Судьба Эркюлин Барбен (1838-1868) – мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

**Габриэль Витткоп
КАЖДЫЙ ДЕНЬ – ПАДАЮЩЕЕ ДЕРЕВО**

Габриэль Витткоп (1920-2002) говорила то, что думала, жила, как хотела, и умерла, как сочла нужным: приняв цианистый калий за два дня до Рождества – праздника, который она презирала. Холодные, мизантропические и блистательные книги Витткоп ее биограф сравнил с чудесным ядовитым цветком. Опубликованный посмертно роман «Каждый день – падающее дерево» – это портрет двойника автора, надменной и безжалостной Ипполиты, вспоминающей свою жизнь, озаренную гордым пламенем презрения к человечеству.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Герард Реве
ЦИРКАЧ

Герард Реве размышляет о том, каким неслышанным грешником он рожден, делится опытом проживания в туристическом лагере, рассказывает историю о плотской любви с уродливым кондитером, посещает гробовщика, раскрывает тайну юности, предается воспоминаниям о сношениях с братом и непростительном акте с юной пленницей, наносит визит во дворец, сообщает Королеве о смерти двух товарищей по оружию, получает из рук Ее Светлости высокую награду, но не решается поведать о непроизносимом и внезапно оказывается лицом к лицу со своим греховным прошлым.

Франсуа-Поль Алибер
МУЧЕНИЯ ЧЛЕНА

Франсуа-Поль Алибер (1873-1953) современникам был известен как один из спутников Андре Жида и плодовитый поэт, тяготеющий к классическим формам. Лишь через полвека после смерти Алибера были открыты его тайные сочинения – эротические повести весьма радикального толка. «Мучения члена» – исповедь человека, наделенного детородным органом невероятных размеров, «Сын Лота» – рассказ юноши, который провел неделю, занимаясь любовью с собственным отцом.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Индиго» Невский пр., д. 63 А

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92

**Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции
на сайте kolonna.org**

Тони Дювер

ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА-НОЖА

Kolonna Publications.

Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301
Подписано в печать 12.05.2012 Тираж 500 экз. Заказ № 464
Формат 70 x 100/32. Объем 3,5 п. л. Гарнитура its Charter
Отпечатано в типографии «Мои Визитки»,
Московская обл., г. Вербилки,
пер. Восстания Космонавтов, 16.